

Б. В. АНАНЬИЧ

УЧЕТНО-ССУДНЫЙ БАНК ПЕРСИИ В 1894—1907 гг.

Русское самодержавие втянулось в империалистическое соперничество за сферы влияния на огромных территориях полукOLONиальных и зависимых стран Дальнего и Среднего Востока в самом конце XIX столетия. Вступив на дальневосточных и средневосточных рынках в борьбу со своими западноевропейскими партнерами, царизм пустил в ход приемы и методы, присущие капиталистическому империализму новейшего типа. Как указывал В. И. Ленин, «в России капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма по отношению к Персии, Манчжурии, Монголии».¹ Одна из особенностей этой политики состояла в том, что проводниками ее являлись банки: на Дальнем Востоке — Русско-Китайский, на Среднем — Учетно-ссудный банк Персии. Естественно, что в характере деятельности этих банков отразились особенности экономической политики царизма на Дальнем и Среднем Востоке, политики, которая привела Россию к империалистической войне с Японией и к империалистическому соглашению с Англией за счет Персии, Афганистана и Тибета и которая с самого начала носила на себе отпечаток своеобразных условий развития империализма в России.

Настоящая статья представляет собой попытку проследить только в самых общих чертах деятельность Учетно-ссудного банка Персии в разгар англо-русского соперничества на Среднем Востоке. Разумеется, что деятельность эта рассматривается в связи с общим направлением экономической политики как Англии, так и России в Персии в 1894—1907 гг.

* * *

Учетно-ссудный банк Персии возник в начале 90-х годов XIX в. в период значительного расширения русско-персидских торговых отношений и начавшегося вывоза из России в Персию капиталов.

¹ В. И. Ленин. Социализм и война. Сочинения, т. 21, изд. 4-е, стр. 277.

Первыми наиболее видными российскими концессионерами в Персии были известные капиталисты братья Поляковы. В 1889 г. Л. С. Поляков образовал «Товарищество промышленности и торговли в Персии и Средней Азии» с отделениями в Тегеране, Реште, Мешхеде и других крупных городах Персии, в 1892 г. он же открыл в Тегеране «Персидское страховое и транспортное общество», начал строительство там спичечной фабрики, скупил три четверти акций бельгийской компании, содержащей в Тегеране конку. В 1893 г. Л. С. Поляков получил концессию на постройку шоссе от побережья Каспийского моря первоначально до Казвина, а позднее (в 1895 г.) до Тегерана. В 1890 г. брат Л. С. Полякова — Я. С. Поляков — приобрел концессию сроком на 75 лет на устройство в Персии банка с правами заниматься ссудными операциями под залог ценных бумаг, векселей и товаров и организовывать аукционы. Капитал банка был определен в 5 млн франков, из которых 1 млн должен был быть внесен концессионером в течение первых шести месяцев, а остальные последовательными взносами в сроки, установленные администрацией банка. По условиям концессии 10% чистой прибыли от банковских операций должны были поступать в шахскую казну, 25% — в пользу учредителей и 65% — в пользу акционеров. За дарованное банку право устраивать аукционные продажи в Тегеране Поляков должен был особо по истечении каждого года платить шахскому правительству тысячу туманов.

Однако первые шаги в Персии российского финансового капитала оказались малоуспешными. Утвержденный персидским правительством в мае 1891 г. банк Я. С. Полякова (первоначально названный «Ссудное общество Персии») просуществовал всего около трех лет, так и не развернув широко свои операции и был приобретен в апреле 1894 г. русским Министерством финансов.

Интерес, проявленный царским правительством к акционерному делу Полякова, не был случайным и находился в прямой связи с тем, что самодержавие в начале 90-х годов XIX в. приступило к активной экономической политике на восточных окраинах России. Истоки этой политики восходят к 1893 г., когда С. Ю. Витте «немедленно по вступлении в управление Министерством финансов» поставил вопрос о необходимости расширения «русско-азиатской торговли» на том основании, что пограничные с Россией «страны Азии» «служат рынками сбыта» русских мануфактурных изделий и «торговое в этих странах значение России находится в самой тесной связи» с ее «политическим там влиянием».²

В апреле 1893 г. по инициативе Витте при Министерстве финансов было создано «Особое совещание по торговле с азиатскими

² Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте не позднее 25 марта/6 апреля 1894 г.: ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 1, д. 46, лл. 70—71.

государствами» из представителей трех министерств: финансов, военного и иностранных дел и под председательством Д. Ф. Кобеко. К началу 1894 г. совещание уже обсудило некоторые вопросы о торговле с Персией, Афганистаном и Бухарою и специально занялось рассмотрением вопроса о расширении торговли с Китаем в связи со строительством Сибирской ж. д. Что же касается русско-персидской торговли, то в целях ее улучшения совещание в первую очередь «признало желательным» приобретение в собственность государства Ссудного общества Персии. В самом начале апреля 1894 г. Витте, ссылаясь, в частности, на решение Особого совещания, представил в Комитет финансов подробный проект покупки Государственным банком акционерного дела Полякова. В проекте подчеркивалось, что развитию русской торговли в Персии может способствовать только «кредитное учреждение с большими средствами» и что эта задача не по плечу ни Ссудному обществу Полякова, ни работавшему в Персии отделению Московского международного банка, которые недостаточно сильны и не могут противостоять там английскому влиянию.³ Между тем, по сведениям, которыми располагало Министерство финансов, обстановка для активной деятельности в Персии сильного русского кредитного учреждения представлялась благоприятной, так как дела английского Имперского банка (Imperial Bank of Persia), образованного в Тегеране в 1889 г., пошатнулись, ценность его акций упала на 50—60%, и администрация банка готова даже была «уступить» Я. С. Полякову свое предприятие за исключением выделившегося из него общества для эксплуатации минеральных богатств Персии.⁴ Однако Поляков оказался не в состоянии воспользоваться предложением администрации английского банка и захватить в свои руки ведение всех финансовых операций в Персии.

Ссылаясь на то, что Ссудное общество Полякова не имеет никаких перспектив укрепить свое положение, так как «московские торговые фирмы, обладающие значительными средствами... уклоняются от собрания капитала, необходимого для учреждения в Персии сильного русского банка», а «государственный банк не может открыть в Тегеране свое отделение» по политическим соображениям, Витте и выступил с проектом, предусматривавшим превращение Ссудного общества Персии в предприятие государственного типа, имеющего, однако, внешние признаки частного банка. 4 апреля 1894 г. проект был обсужден в Комитете финансов, двенадцать дней спустя утвержден Александром III, а к 1 мая 1894 г. Государственный банк уже вступил в управле-

³ Представление Витте в Комитет финансов 4/16 апреля 1894 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 331, л. 4.

⁴ Там же.

ние Ссудным обществом Персии, переименованным к тому времени в Ссудный банк Персии.

Я. С. Поляков получил от русского правительства 225 тыс. руб. за уступку всех акций на сумму в 5 млн франков = 1875 тыс. руб. (которые к моменту продажи банка считались оплаченными на 2 млн франков = 750 тыс. руб.), инвентаря, концессии и устава, а также в возмещение расходов «по обзаведению и устройству».⁵

Таким образом, с 1894 г. Ссудный банк Персии начал действовать в Тегеране формально как частное учреждение, а в действительности как филиал русского Государственного банка, который не только оплатил расходы, связанные с покупкой Ссудного банка Персии, но и предоставил его администрации в виде оборотного капитала 375 тыс. руб.⁶ На заседании Комитета финансов 4/16 апреля 1894 г., утвердившего предложение Витте о приобретении акционерного дела Я. С. Полякова, были определены и задачи вновь образованного банка: содействовать «развитию активной торговле русских в Персии, сбыту туда русских фабрикатов, распространению среди персидского населения российских кредитных билетов, а равно вытеснению из Персии английских произведений».⁷

Открытие русского банка в Тегеране ознаменовало собой непосредственный переход самодержавия к активной экономической политике в Персии, рассчитанной на завоевание персидского рынка и вытеснение из Персии английского соперника. Меньше чем год спустя после поездки командующего войсками Закаспийской области генерал-лейтенанта А. Н. Куропаткина в 1895 г. во главе чрезвычайного посольства в Тегеран эта политика как бы окончательно получила официальное утверждение и было провозглашено, что соревнование с Англией отныне «должно выражаться прежде всего в сфере экономических интересов».⁸

⁵ Там же, л. 12.

⁶ В 1902 г. Ссудный банк Персии был переименован в Учетно-ссудный банк Персии. Далее он так и будет именоваться во всех случаях.

⁷ Журнал Комитета финансов 4/16 апреля 1894 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 331, л. 16.

⁸ Справка о капитальных затратах русского Государственного казначейства в Персии и о финансовых ресурсах шахского правительства: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 1. А. Н. Куропаткин в представленном Николаю II отчете о результатах своей поездки высказался за активную экономическую политику в Персии. Поскольку сам Куропаткин считал, что Россия в данный момент не заинтересована в персидском рынке, то смысл этой политики Куропаткин видел в освоении персидского рынка впрок. «Если при нынешнем развитии России, — писал в своем отчете Куропаткин, — рынок Персии представляется для нас недостаточно важным, то мы должны работать в интересах детей и внуков наших. Через 50 лет в России будет 250 млн населения. Тогда весь персидский рынок до Персидского залива включительно станет для русского народа насущно

С 1895 г. в Персию устремляются через Учетно-ссудный банк русские государственные капиталы, которые вкладываются в займы, концессии на постройку дорог, чеканку монеты и т. д. Последние пять-шесть лет XIX в. оказали решающее влияние на результаты англо-русского экономического соперничества в Персии. За эти годы Россия достигла значительных успехов в освоении персидского рынка, быстро догнала Англию в объеме торгового оборота с Персией и заняла монопольное положение на северных рынках страны. На протяжении этих лет самодержавие добилось также исключительного права финансировать персидское правительство и установило через Учетно-ссудный банк контроль над персидскими финансами.

Дело в том, что после крупного персидского займа, сделанного в Лондоне в 1892 г., шахское казначейство попало в долговую зависимость от Англии. С этого момента началась сплошная полоса финансовых кризисов персидского правительства. В поисках выхода из создавшегося положения правительство Персии в 1895 г. открыло переговоры о займе в России, которые прервались, однако, в связи с убийством в 1896 г. Насер-эд-Дин шаха. Но если переговоры в 1895—1896 гг. о большом займе в России оказались пока что бесплодными, то персидскому правительству сразу же был открыт краткосрочный кредит в Учетно-ссудном банке Персии, который после его перехода в собственность Государственного банка взял курс на регулярную финансовую поддержку персидского правительства. Первая ссуда шахскому казначейству была выдана Учетно-ссудным банком в мае—июне 1895 г. в размере 100 тыс. туманов сроком на год «в виде аванса под векселя тегеранского монетного двора». Несмотря на то, что оно не сумело погасить свою задолженность в срок и расчеты по ссуде затянулись на два года, в 1896 г. Учетно-ссудный банк Персии удовлетворил новую просьбу шаха, поддержанную русскими дипломатическими представителями в Тегеране, и произвел учет краткосрочных векселей шахского казначейства (бератов) на сумму в 156 390 туманов сроком на шесть месяцев.⁹

После смерти Насер-эд-Дин-шаха персидское правительство делало попытки заключить заем при содействии группы нидерландских и французских банкиров с тем, чтобы избежать займа в Англии или России, но не получило поддержки французского правительства, и заем не состоялся. Эта неудача вынудила нового шаха просить в феврале 1898 г. ссуду в английском Имперском

необходимым. Если мы упустим его теперь из своих рук или позволим занять Англии ту или другую часть территории Персии, то в ближайшем историческом будущем это вызовет необходимость огромных жертв с нашей стороны дабы вернуть потерянное» (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 27, лл. 82—83).

⁹ ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 9.

банке, которую он получил в размере 50 тыс. фунтов стерлингов под залог таможен побережья Персидского залива.

По истечении срока ссуды английское правительство решило воспользоваться финансовыми затруднениями шаха и потребовало немедленного погашения не только последней ссуды, но и долгов по прежним займам в размере 150 тыс. ф. ст., угрожая в противном случае продлить на шесть лет контроль над персидскими таможнями. Персидское правительство оказалось в критическом положении. Правда, шаху удалось осенью 1898 г. получить в Учетно-ссудном банке Персии новую ссуду в размере 1.5 млн руб., которая обеспечивалась доходами семи персидских северных таможен и арендной платой с рыбных промыслов на Каспийском море,¹⁰ но эта сумма пошла только на частичное погашение английского долга, и персидское правительство вынуждено было продолжить поиски крупного займа. Попытки договориться с Англией окончились полной неудачей: в Лондоне готовы были выдать Персии новый заем, но только на кабальных условиях — установления полного и немедленного контроля над южными таможнями страны.

Осенью 1899 г. персидское правительство обратилось к России с новой просьбой о долгосрочном займе. 17/30 января 1900 г. между персидским правительством и Учетно-ссудным банком Персии было подписано соглашение о 5%-м золотом займе на 22.5 млн руб. Заем был рассчитан на 75 лет с уплатой процентов и погашения два раза в год — 1 января и 1 июля. Платежи по займу обеспечивались всеми таможенными доходами страны за исключением таможен Фарса и Персидского залива, причем все гарантированные для платежей доходы должны были прежде всего поступать в Учетно-ссудный банк, и только после отчисления необходимой суммы в пользу банка остаток передавался в распоряжение персидского правительства. В случае, если бы доходы персидских таможен не обеспечивали платежи по займам, банку предоставлялось право контроля за их поступлениями, а в крайнем случае и «прямое заведование» ими. Одним из основных условий займа являлось обязательство персидского правительства ликвидировать за его счет долговые обязательства перед Англией и впредь не заключать новых долгосрочных займов где бы то ни было без согласия России.¹¹

¹⁰ Там же, л. 9 об.

¹¹ На погашение английских и русских долгов ушла больше чем третья часть всей суммы займа. Из 22.5 млн руб. было уплачено: 1) Учетно-ссудному банку: а) по бератам, которые были учтены в 1896 г. — 340 тыс. руб.; б) по ссуде в 1.5 млн руб. 1898 г. — 1591 тыс. руб. 2) По 6%-му персидскому займу 1892 г., реализованному в Лондоне на 500 тыс. ф. ст. — 4103 тыс. руб. 3) В счет оплаты ссуд из Имперского банка — 2500 тыс. руб. Итого: 8534 тыс. руб. (ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 10 об.).

Огромную сумму в 22.5 млн руб., полученную в России в 1900 г., шахское правительство растратило за какие-нибудь полтора года. Уже в мае 1901 г. директор персидских таможен Наус начал в Учетно-ссудном банке Персии переговоры о новых займах. В результате этих переговоров персидское правительство, сделав ряд уступок политического характера, получило в банке с октября 1901 г. по март 1902 г. три ссуды в размере 3 млн руб. В марте же 1902 г. Персии был предоставлен второй крупный заем в размере 10 млн руб. на условиях, аналогичных условиям займа 1900 г. (на 75 лет из 5% с уплатой процентов и погашения по полугодиям и т. д.).

Оба русских долгосрочных займа — 1900 и 1902 гг. — не были выпущены на денежный рынок, а размещались через государственные учреждения и среди лиц, близких к императорской фамилии. При их реализации как в первом, так и во втором случае была отпечатана и сдана в Государственный банк одна облигация на всю сумму займа. Поскольку займы реализовались по частям, облигации были заложены на переходные ценности Отделения вкладов на хранение Петербургской конторы банка, которая выдавала членам императорской фамилии, а также фонду сберегательных касс, державшим значительную часть займов, особые удостоверения.

Займы 1900 и 1902 гг. были размещены следующим образом (табл. 1 и 2):

Т а б л и ц а 1¹²

Размещение персидского золотого 5%-го займа 1900 г.

На 1900 г.		На январь 1913 г.	
держатели	сумма (в руб.)	держатели	сумма (в руб.)
Кабинет е. и. величества	11000000	Кабинет е. и. величества	11000000
Фонд сберегательных касс	7885700	Фонд сберегательных касс	11381800
Вел. кн. Владимир Александрович	2297900	Вел. кн. Владимир Александрович	21900
Вел. кн. Андрей Владимирович	870100	Вел. кн. Кирилл Владимирович	96300
Вел. кн. Кирилл Владимирович	446300		
Итого	22500000	Итого	22500000

¹² ЦГИАЛ, ф. 588, оп. 2, д. 1118, лл. 13 и 341.

Таблица 2¹³

Размещение персидского золотого 50/0-го займа 1902 г.

На 1902 г.		На январь 1913 г.	
держатели	сумма (в руб.)	держатели	сумма (в руб.)
Фонд сберегательных касс	8695200	Фонд сберегательных касс	8535074.58
Главное управление уде- лов	1104800	Вел. кн. Елена Влади- мировна	1387945.42
Вел. кн. Владимир Але- ксандрович	200000	Принц А. П. Ольден- бургский: Майоратный капитал	33380
		Аничковский	32300
		Приданный	11300
Итого	10000000	Итого	10000000

Крупные финансовые операции Учетно-ссудного банка в 1900—1902 гг. не только способствовали увеличению его влияния в Персии, но и значительно усилили там экономические и политические позиции самодержавия. В результате этих операций персидское правительство, взявшее на себя обязательство ликвидировать свои долги в Англии, превратилось в должника России. Самодержавие получило в свои руки фактический контроль над северными таможенными странами. По требованию русской стороны персидское правительство согласилось уволить заведовавшего Монетным двором в Тегеране англичанина Маклина, заменив его бельгийцем и предоставило Учетно-ссудному банку право чеканки монеты наряду с английским Имперским банком. Учетно-ссудный банк Персии, кроме того, получил концессию на строительство колесной дороги Казвин—Тавриз—Тегеран. И, наконец, в довершение всего состоялся пересмотр третьей статьи Особого акта Туркманчайского договора 1828 г., на основании которого регулировались русско-персидские торговые отношения, и подписание в конце 1901 г. новой торговой конвенции, открывшей благоприятные возможности для развития русско-персидского товарооборота.¹⁴

Все это, вместе взятое, подготовило к началу 1903 г. условия для пересмотра русской политики в Персии в направлении даль-

¹³ Там же.¹⁴ Подробнее об этом см.: А. А. Зонненштраль-Пискорский. Международные торговые договоры Персии. М., 1931; Н. Н. Бобынин. Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. 1901—1923. Тифлис, 1923.

нейшего расширения экономической экспансии царизма. Поводом к такому пересмотру послужил один из очередных финансовых кризисов персидского правительства.

Почти в самом начале 1903 г. стало очевидно, что переговоры о новом займе в России не за горами. Несмотря на то, что со времени последнего десятимиллионного русского займа прошло только несколько месяцев и за этот срок персидское правительство успело получить краткосрочную ссуду у персидских купцов и в Шахиншахском банке, Персия была снова накануне финансового банкротства. 1902 финансовый год окончился для персидского казначейства с дефицитом в 3 млн руб. (1775 тыс. туманов), а так как «финансовая смета текущего (1903, — Б. А.) года осталась неизменной», то к концу его дефицит должен был увеличиться по крайней мере вдвое, и тем самым достичь огромной цифры в 6 млн руб.¹⁵

Все это отлично знали в русском Министерстве иностранных дел, там со дня на день ждали, что Персия обратится с просьбой о займе и обдумывали пока вопрос о том, какими экономическими и политическими условиями обставить новый заем. В связи с создавшимся положением русский посланник в Тегеране П. М. Власов представил министру иностранных дел В. Н. Ламздорфу свою программу действий. Исходя из необходимости придерживаться «в сношениях с шахом и его правительством строгой корректности», продолжая «настойчиво развивать» русские «торговые операции в Персии путем установления покровительственных пошлин, выдачи субсидий, улучшения условий перевозки», Власов в виде альтернативы предлагал: «либо, отказавшись от требований дальнейших обязательств от Персии, осуществить на деле приобретаемые концессии и открыть шахскому правительству текущий счет в Учетно-ссудном банке... либо предъявить Персии все требования наши к ней в строго положительной форме и быть готовыми силой заставить шахское правительство подчиниться таковым требованиям».¹⁶

Николай II, которому Ламздорф представил депеши Власова, высказался в пользу первого предложения, пометив на полях одной из них: «Я решительно предпочитаю первую программу».¹⁷

Основная мысль программы, теперь утвержденной резолюцией Николая II, не была новой, тем более для Витте, который после 1895 г., т. е. со времени провозглашения политики экономического соперничества с Англией в Персии, выступал инициа-

¹⁵ П. М. Власов — В. Н. Ламздорфу 2/15 июля 1903: ЦГИАЛ, ф. 606. оп. 10, д. 164, л. 3 об.

¹⁶ Ламздорф — С. Ю. Витте 17/30 апреля 1903 г.: там же, д. 159, лл. 147—148.

¹⁷ Ламздорф — Витте 17/30 апреля 1903 г.: там же, л. 148.

тором почти всех крупных мероприятий, имевших целью укрепление экономического влияния царизма в Персии, а теперь, в апреле 1903 г., как нечто новое получил от Ламздорфа «программу», составленную в Министерстве иностранных дел и одобренную царем. Естественно, что такой образ действий министра иностранных дел вызвал у Витте раздражение. Он и ответил Ламздорфу, что «программа энергичного образа действия в Персии, поддерживаемого силой оружия, есть не более как предположение действительного статского советника Власова», а что касается экономической политики, то она, как заметил Витте, была провозглашена «задолго до приезда» посланника в Тегеран и уже «вышла из области предположений».¹⁸ В подтверждение этого Витте назвал Ламздорфу целый перечень «мероприятий», проведенных Министерством финансов за последние два года в целях укрепления экономических позиций России в Персии.¹⁹ Предложение же посланника об открытии шаху текущего счета в Учетно-ссудном банке Витте вообще отверг, объяснив, что текущий счет может быть открыт лишь при наличии вклада, который клиент имеет в банке, а так как шахская казна «страдает хроническим безденежьем» и не располагает средствами для образования текущего счета, то речь может идти только о займе, который он готов предоставить на сумму в 2 млн туманов при наличии соответствующей гарантии.

Какова была дальнейшая судьба переговоров двух министерств по этому вопросу и велись ли они вообще, нам неизвестно. Однако важно отметить, что обмен мнениями между Ламздорфом и Витте по существу не вскрыл никаких разногласий между двумя министрами, а обнаружившаяся общность взглядов дает основание предполагать, что «мероприятия» Витте и «программа» посланника, утвержденная Николаем II, послужили основой той политики, которой царизм придерживался в Персии начиная с 1903 г. и которая позднее в русском Министерстве финансов получила название политики «капиталистического завоевания» Персии.²⁰

¹⁸ Витте — Ламздорфу 24 апреля/7 мая 1903 г.: там же, л. 162.

¹⁹ Там же. Витте назвал шесть таких мероприятий: 1) увеличение капитала Учетно-ссудного банка и открытие отделений банка в Тавризе, Реште, Мешхеде и агентств — в Энзели, Баку, Москве; 2) подписание торгового договора с Персией; 3) переход в ведение чиновников Министерства финансов управления обществом Энзели-Тегеранской дороги; 4) авансирование Учетно-ссудным банком строительства дороги Казвин—Хамадан; 5) приобретение концессии этим же банком на строительство дороги от кавказской границы через Тавриз—Казвин и 6) приобретение Учетно-ссудным банком транспортного общества Л. С. Полякова. Более подробно о некоторых из этих мероприятий речь пойдет ниже.

²⁰ Журнал Комитета финансов, 18 ноября/1 декабря 1906 г.: ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 19, д. 65, лл. 9—10.

Экономическая политика самодержавия в отношении Персии после 1903 г. по существу мало отличалась от политики, провозглашенной еще в 1895 г. Разница состояла лишь в том, что теперь речь шла об экономической экспансии в еще более широких размерах и за счет привлечения в большом количестве государственных капиталов. Возможности же для этого открылись как в связи с теми изменениями, которые произошли во внутреннем экономическом положении России к 1903 г., так и в связи с успехами, достигнутыми царизмом на Среднем Востоке к этому времени.

Что касается общего экономического состояния России, то оно после особенно мрачных кризисных 1901—1902 гг. несколько улучшилось в 1903 г. Финансовое же положение царизма в результате двух крупных внешних займов, сделанных в Европе — во Франции в 1901 г. (на сумму в 159 млн руб.) и в Германии в 1902 г. (на сумму в 181 959 тыс. руб.), — значительно упрочилось.

С другой стороны, к началу 1903 г. можно было уже говорить и о несомненных успехах царской России в экономическом соперничестве с Англией в Персии. Результаты были налицо не только в сфере финансовой, где Россия добилась почти монопольного права кредитовать шаха, заставив его оплатить все долги по английским займам и дать обязательство делать долгосрочные займы только в России, но и в сфере торговой. Здесь Россия, хотя и ценою больших жертв, к началу XX в. окончательно обгоняет Англию в общем торговом обороте с Персией и занимает прочные позиции на рынках наиболее развитых в экономическом отношении северной и центральной частях страны. Россия становится основным поставщиком наиболее распространенных на персидском рынке товаров, таких, как сахар, керосин, железо, строительные материалы, спички и т. д.

Таковы были условия, сделавшие возможной политику «капиталистического завоевания» Персии. Естественно, что в проведении этой политики решающая роль была отведена Учетно-судному банку Персии, подвергнутому в 1903 г. в связи с поставленными перед ним новыми задачами значительным преобразованиям, в результате которых начиная с 1903 г. его операции как в области торговой, так и в области вывоза капиталов приняли еще более широкий размах.

*

*

*

В феврале 1903 г. Комитет финансов принял решение о значительной реорганизации Учетно-судного банка Персии. В целях расширения деятельности банка и принимая во внимание, что долгосрочный характер большинства его операций обременителен

для Государственного банка, Комитет финансов постановил прежде всего перевести Учетно-ссудный банк Персии в собственность казны с возмещением Государственному банку из Государственного казначейства сумм, затраченных на приобретение предприятия и выпуск акций.²¹ По решению Комитета финансов Учетно-ссудный банк образовал самостоятельный капитал путем а) «полной оплаты акций первого выпуска на 5 млн франков нарицательных в размере оставшихся неоплаченными 2 млн франков = 750 тыс. руб.» и б) нового выпуска акций на нарицательный капитал в 26 660 тыс. франков = 10 млн руб. Новый выпуск акций, как и акции, принадлежавшие прежде Государственному банку, зачислялись в портфель ценных бумаг Государственного казначейства, поскольку Комитет финансов признал «нежелательной» публичную подписку, которая открывала бы доступ «частным лицам, как русским подданным, так и иностранцам» к участию в предприятии, «имеющем государственное значение».²² Как уже говорилось выше, с 1894 г. и до момента перехода в казну Учетно-ссудный банк Персии принадлежал Государственному банку, явившемуся почти единственным источником его кредитования, так как вклады частных лиц в Учетно-ссудный банк составляли незначительную сумму:²³

Годы	Вклады частных лиц в Учетно-ссудном банке (в тыс. руб.)	Сумма задолженности Учетно-ссудного банка Го- сударственному банку (в тыс. руб.)
1896	77	1032
1897	73	1409
1898	107	1517
1899	109	2914
1900	163	3294
1901	178	4020
1902	369	На 1 ноября 12407

В Государственном банке с 1903 г. Учетно-ссудному банку Персии открывался кредит в размере 10 млн руб. Для возмещения Государственному казначейству расходов на усиление средств Учетно-ссудного банка Персии Комитет финансов предоставил министру финансов право выпуска одной серии государственной 4%-й ренты на нарицательный капитал 10 млн руб. Непокрытую же реализацией 4%-й ренты часть расходов решено было отнести «на свободную наличность Государственного казна-

²¹ Журнал Комитета финансов, 20 февраля/5 марта 1903 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 459, л. 39 об.

²² Там же, л. 39.

²³ Там же, д. 421, лл. 1—2.

чейства с показанием ее сверхсметным чрезвычайным расходом по росписи на 1903 г.»²⁴

Все эти мероприятия, проводившиеся за счет казны и направленные на расширение сферы деятельности Учетно-ссудного банка, преследовали в первую очередь цели политического характера.²⁵ Так именно и формулировались задачи банка в отчете за 1903 г., представленном министром финансов в Комитет финансов в апреле 1905 г. «Всемерно содействуя вывозу русских товаров в Персию, — говорилось в отчете, — Ссудный банк Персии своей умелой деятельностью в значительной степени способствует мирному завоеванию рынков шахских владений, но этой стороной еще не исчерпывается его политическое значение, зачастую это предприятие является прямым политическим орудием в руках императорского правительства и по настоящему министра иностранных дел на банк возлагаются поручения прямо убыточные в смысле коммерческих операций, с чем надо считаться при оценке финансового результата деятельности банка».²⁶

В итоге проведенных реформ Учетно-ссудный банк действительно превратился в орудие экономической политики царизма в Персии. С 1903 г. банк сосредоточил в своих руках все операции, связанные с ввозом и продажей в Персии русских товаров, выступая преимущественно в качестве посредника между русскими фабрикантами и персидскими купцами — клиентами банка в Персии. Причем правление банка, увлеченное предоставленными банку возможностями и стремясь «поработать на себя», в некоторых случаях вступало даже на путь конкуренции с отечественными торговыми фирмами.

Так, в январе 1903 г. правление товариществ мануфактур «Эмиль Ципдель», В. Е. и А. Ясютинских, Барановых, открывших в Тегеране еще в 1901 г. «на компанейских началах», торговые склады, обратились к Витте с жалобой на конкуренцию со стороны банка, который не только лишил эти торговые предприятия возможности пользоваться льготным кредитом и неофициально предложил им ликвидировать свое дело, но даже распространил среди персидского купечества слухи об их якобы несостоятельности и, в конце концов вынудил закрыть склады.²⁷ Разумеется, такая деятельность банка шла вразрез с интересами

²⁴ Там же, л. 9.

²⁵ Общие затраты Государственного казначейства на Учетно-ссудный банк составили на 16/29 февраля 1904 г. 16.6 млн руб.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 1 об.

²⁶ Журнал Комитета финансов, 20 апреля/3 мая 1905 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 459, л. 43.

²⁷ ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 2, д. 1373, лл. 1—2; см. также: оп. 10, д. 215, л. 52.

Министерства финансов, и Витте распорядился «строго внушить» агенту Министерства финансов в Персии Э. К. Грубе, что «банк должен содействовать самостоятельности торговцев, а никак не заводить с ними конкуренцию».²⁸

Тем не менее самый факт такой конкуренции свидетельствовал о размахе торговых операций банка, претендовавшего на абсолютную монополию в персидской торговле.²⁹ Это подтверждается и стоимостью товарных заказов банка, возросшей с 906 тыс. руб. в 1901 г. до 7141 тыс. руб. в 1903 г.³⁰ В результате торговой деятельности банка, особенно после открытия на тегеранском рынке его специального отделения, русские товары заняли преобладающее положение на рынках северной и центральной Персии и почти вытеснили вовсе товары других стран с тегеранского рынка. В отчете банка за 1903 г. сообщалось, что с тегеранского рынка исчезла «английская бумажная мануфактура и дала место русской; хорошее бомбейское стекло уступило плохому бекуновскому; дешевый ламповый товар Кокорева, Курженоквых, Фикерт и др. фирм вытеснил изящный венский и стамбульский; дешевые памфиловские стаканы теснят превосходные баккара, посуда Кузнецова и других фабрик успешно конкурирует с французской и бомбейской, французского сахара уже нет больше на базаре, его заменил русский; кожаная обувь бомбейских, лондонских и французских фирм — заменяется русской».³¹

На 1903 г. Учетно-ссудный банк заключил соглашения с целым рядом астраханских, тульских, московских, ростовских, нижегородских, варшавских, лодзинских, екатеринославских и других фабрикантов. Одновременно он выступал посредником в торговых операциях по сбыту в Персии продукции таких известных фирм, как А. Баранова, А. Гюнбера, Ю. Ю. Гейнцеля,

²⁸ Там же, оп. 2, д. 1373, лл. 1—2.

²⁹ Там же.

³⁰ Журнал Комитета финансов, 20 апреля/3 мая 1905 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 459, л. 41.

³¹ Докладная записка помощника бухгалтера банка Б. Атаманова — Грубе: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 218, лл. 12—13. Атаманов, по-видимому, преувеличивает низкое качество русских товаров. Английский торговый агент в Персии Маклин писал в том же 1904 г. о русских товарах в Персии нечто прямо противоположное. Русские «фаянсовые изделия, — писал Маклин, — конкурируют с импортом других стран не только в цене, но и по виду и по качеству; изделия из стекла успешно конкурируют с французскими и богемскими изделиями того же класса, металлические изделия — лампы, подсвечники, эмалированные изделия — лучшие по качеству и дешевле чем обычно» (Blue Book. Trade with Persia. Report on the Condition and Prospects of British Trade in Persia, by H. W. Maclean, special Commissioner of the Commercial intelligence committee of the Board of Trade. London, 1904, стр. 7).

М. С. Кузнецова, а также Саввы Морозова, А. И. Манташева и др.

С целью распространения русских товаров в южных и юго-восточных районах Персии Учетно-ссудный банк в апреле 1903 г. отправил на свои средства караван русских товаров, главным образом мануфактуру, сахар и керосин, из Машхеда в отдаленные районы Сеистана, к индийской границе. Экспедиция, несмотря на противодействие английского консульства в Мешхеде, пытавшегося скупить всех верблюдов, чтобы сорвать отправку каравана, в начале июня 1903 г. прибыла в Хуссейнабад и открыла торговые операции.³² Торговля в Сеистане «шла чрезвычайно бойко», и вся партия товаров была распродана в течение каких-нибудь двух недель.³³

В сентябре 1903 г. в Сеистан была отправлена вторая партия товаров, в Хуссейнабаде открылся постоянный русский магазин, туда же был командирован для ведения банковских и торговых операций специальный агент Учетно-ссудного банка Каменецкий.³⁴

По инициативе русского консула в Сеистане Миллера, поддержанной в Министерстве иностранных дел, и в частности самим Ламздорфом, придававшим «значение вытеснению английских товаров из Сеистана», было принято решение в целях укрепления торговых связей с этим районом Персии организовать оттуда вывоз сырья.³⁵ В связи с этим Мешхедское отделение Учетно-ссудного банка заключило соглашение с московской фирмой «Стукен и К^о» относительно закупки в Сеистане шерсти. Кроме того, банк принял меры к тому, чтобы пшеница, служившая основным предметом вывоза из Сеистана в Индию, ввозилась бы во внутренние районы Персии, прежде всего в Хорасанскую провинцию.³⁶

Несмотря на убыточность торговых операций в Сеистане (убыток в 1903 г. составил 15 675 руб. и был покрыт банком из кредита в 30 тыс. руб., специально отчисленного из прибыли

³² Донесение генерального консула в Хорасане 31 мая/13 июня 1903 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 527, л. 85.

³³ Делегация Миллера 21 августа/3 сентября 1903 г.: там же, л. 93.

³⁴ Справка о русской политике в Сеистане 11/24 марта 1906 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 2, д. 1394, л. 186.

³⁵ Ламздорф — П. М. Романову 11/24 ноября 1903 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 527, л. 110. В Министерстве иностранных дел придавали особое значение торговым экспедициям в Сеистане, в связи с ожидавшимся в 1903 г. соединением Нушки с сетью индийских железных дорог, что должно было значительно затруднить для России торговую конкуренцию с Англией в Сеистане.

³⁶ Справка о русской политике в Сеистане 11/24 октября 1906 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 2, д. 1394, л. 186.

этого года), с точки зрения политической результаты экспедиции были признаны «весьма благоприятными».³⁷

По настоянию Министерства иностранных дел, экономические связи с Сеистаном поддерживались исключительно в политических целях вплоть до англо-русского соглашения 1907 г. Для финансирования этих связей в 1906 г. в Учетно-ссудном банке был открыт постоянный кредит — 15 тыс. руб. в год.³⁸

Наряду с организованными через Учетно-ссудный банк Персии торговыми экспедициями в Сеистан в программе экономической экспансии паризма в Персии важное место отводилось рейсам русских торговых судов в Персидский залив, где до 1901 г. Россия не вела никаких торговых операций и вся торговля была сосредоточена в руках Англии.

В 1901 и 1902 гг., по инициативе Витте и с «высочайшего разрешения», были произведены четыре пробных рейса в залив русским Обществом пароходства и торговли. Пароход «Корнилов» совершил первый рейс из Одессы в залив в феврале, второй — в августе 1901 г., третий — в январе и четвертый — в мае 1902 г. Основными предметами вывоза в порты Персидского залива являлись хлопчатобумажные ткани, сахар, керосин, фарфоровые изделия. Несмотря на то, что русские товары, и в особенности керосин (Нобеля и Манташева), хорошо разошлись, рейсы потребовали казенной дотации, по сведениям Государственного контроля, в размере 202 525 руб.³⁹

Если принять во внимание, что всего за четыре рейса было вывезено 230 280 пуд. грузов, то приплата со стороны Государственного казначейства за каждый пуд равнялась в среднем 88 коп. При этом стоимость пуда основного предмета вывоза — керосина, которого было отправлено 154 137 пуд., т. е. $\frac{2}{3}$ всего экспорта, не превышала 30 коп. в Батуми. Стало быть, премия Государственного казначейства, в частности для керосина, равнялась троекратной цене самого товара. Естественно, что задание Государственного совета в соединенных департаментах промышленности, наук и торговли, законов и государственной экономики, состоявшееся 7/20 марта 1903 г. и специально посвященное вопросу о рейсах русских коммерческих судов в Персидский залив, вынуждено было признать, что первые попытки, с точки зрения экономической, принесли «сравнительно скромный» успех.⁴⁰ Тем не менее совещание признало необходимым

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ Журнал Государственного совета, 7/20 марта 1903 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 527, л. 57.

⁴⁰ Журнал Государственного Совета, 7/20 марта 1903 г.: там же, л. 58.

установление регулярных рейсов русских судов в залив, исходя из того, «что в настоящем деле первенствующее значение имеют действительно задачи политического характера».⁴¹ Так окончательно был решен вопрос об установлении регулярных рейсов русских судов в Персидский залив, на поддержание которых Государственное казначейство, по соглашению с Обществом пароходства и торговли, должно было выдавать последнему ежегодную дотацию в размере 200 тыс. руб. в течение 12 лет.⁴²

В целях укрепления и развития русской торговли на юге Персии в порты Персидского залива в 1904, 1905 и 1906 гг. были отправлены специальные торговые экспедиции при участии представителей русского купечества.

Таким образом, экспедиции в Сеистан, как и рейсы русских судов в Персидский залив, оказались возможными только благодаря дотациям русского Государственного казначейства.

Естественно, что ни та, ни другая операции без затрат известных дополнительных сумм были бы почти невозможны, как, впрочем, невозможна была бы и успешная торговая конкуренция русских промышленных товаров с английскими в районах, не смежных с Россией, без широко организованной Государственным казначейством при посредничестве Учетно-ссудного банка Персии премиальной системы. Впрочем, даже в тех районах Персии, где русские купцы имели значительные преимущества по сравнению с английскими в смысле затрат на перевозку товаров, эти преимущества вместе с премиальной системой порою не могли покрыть разницы, существовавшей между стоимостью английских и русских товаров. Так, например, в Мешехд английские товары доставлялись через несколько перевалочных пунктов: из Манчестера до Бомбея и от Бомбея до Бендер-Аббаса морем, а затем вьючным путем через Иезд. Перевозки морем обходились 50 коп. с пуда, по суше — 5 руб. 50 коп.; итого 6 руб. с пуда, а время, необходимое для доставки товаров, составляло около 6.5 месяцев. Привоз же русских товаров в Мешехд обходился всего лишь 2 руб. 25 коп. с пуда, и они находились в пути не более трех месяцев.⁴³ Однако русские текстильные товары зачастую стоили дороже английских, так как их производство в России было намного дороже чем в Англии. Пуд бумажной пряжи в Манчестере, например, стоил 12 руб., а в Петербурге — 20 руб. Поэтому, несмотря на издержки по перевозке

⁴¹ Там же.

⁴² Собрание узаконений и распоряжений правительства, № 57, 6 июня 1903 г., Отдел I, стр. 655—656.

⁴³ Выписка из донесения управляющего Мешехдским отделением Учетно-ссудного банка Персии 18/31 августа 1909 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 215, л. 59 об.

в 6 руб. за пуд, английский текстиль продавался на мешхедском рынке дешевле русского.⁴⁴ Как правило, указанная разница покрывалась за счет государственной дотации, благодаря которой русские товары на персидском рынке продавались по ценам более низким, чем в России, что позволяло им конкурировать с английскими. Английский торговый агент в Персии Маклин доносил в своем отчете за 1904 г., что «в Персии чай, сахар, керосин и ситцы — все дешевле, чем на русских рынках, откуда эти товары вывезены».⁴⁵

Разумеется, что такая торговая политика требовала больших жертв от русской казны. В 1902 г. казначейство уплатило премиальные (возвратило акциз) за вывоз в Персию только сахара и осветительных масел на сумму свыше 7 млн руб.⁴⁶ при стоимости всего вывоза в 24 648 189 руб.⁴⁷ Следует учесть, что речь идет о вывозе только двух видов товаров, хотя и составлявших очень значительную часть русского экспорта.

Кроме того, премиальная система предусматривала установление льготных железнодорожных тарифов на товары, идущие на побережье Персидского залива, выдачу зачетных квитанций на мануфактуру, освобождение от обложения товаров, привозившихся из Персидского залива.⁴⁸

Так русский царизм, выступавший в Персии в империалистическом облики, состязался в торговой конкуренции со своим английским соперником, приплачивая за свою отсталость — таков уж парадокс истории — деньгами, полученными им на европейских же биржах.

⁴⁴ Там же. Управляющий Мешхедским отделением Учетно-судного банка Персии доносил, что в Мешхеде английская кисея, будучи шире и лучше русской, стоит 5.5 коп. аршин, а русская — 7 коп., ситец английский — 8.25 коп., а русский — 13.25 коп. за аршин.

⁴⁵ Blue Book, стр. 8.

⁴⁶ Выписка из донесения управляющего Мешхедским отделением Учетно-судного банка Персии 18/31 августа 1909 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 215, л. 44 об.

⁴⁷ Обзор внешней торговли России за 1907 г. СПб., 1908, стр. 40, табл. 5.

⁴⁸ Справка о капитальных затратах русского Государственного казначейства в Персии и о финансовых ресурсах шахского правительства 16/29 февраля 1904 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 3 об. Один из армянских купцов (Крикорян Абэкаэль), занимавшийся торговыми операциями в Персии, представил в 1901 г. на имя Витте обзор торговли России с Персией, в котором называл цифру общих расходов казны на торговые операции в 12 млн руб. в год (при стоимости всего вывоза в 1901 г. в 20 млн руб.), подразделяя их на прямые затраты в пользу вывозимых товаров — в 8200 тыс. руб. и на косвенные потери, вызванные запрещением транзитного ввоза иностранных товаров в Персию через Закавказье и Каспийское море в 3 млн руб.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 526, л. 84 об.

Особенно быстро влияние России на персидском рынке начало расти после 1903 г. Это явление находилось в прямой связи с расширением торговых операций Учетно-ссудного банка, на который после его реорганизации были возложены задачи не только способствовать экспорту русских товаров в Персию, но и «знакомить русских фабрикантов с местными рынками, способствовать успешной конкуренции русских товаров с иностранными и вместе с тем создавать благоприятные условия для вывоза персидского сырья в видах увеличения покупательной способности персидского населения».⁴⁹ За короткий срок, с 1903 по 1906 г., торговый оборот России с Персией увеличился на 83%, в том числе ввоз поднялся на 62%, а вывоз — на 60%. За то же время торговый оборот Англии с Персией увеличился в значительно меньшей степени — всего на 23%.⁵⁰

Выступая на европейских рынках большей частью как поставщик сырья или полуобработанных материалов, на персидском рынке Россия сбывала преимущественно промышленные товары, одновременно вывозя персидское сырье.

Персия служила одним из основных рынков сбыта русского сахара, ввоз которого в Персию достиг к 1907 г. 36% от общего российского экспорта.⁵¹

Второе место в русском экспорте в Персию занимала мануфактура, в особенности хлопчатобумажные ткани, как известно, в большинстве своем сбывавшиеся на азиатских рынках, среди которых персидский рынок занимал первое место.⁵² Следует, однако, иметь в виду, что торговля мануфактурой была значительно менее успешной, чем торговля сахаром. Русские ткани, включая и хлопчатобумажные, уступали манчестерским. Так, по данным за 1910—1911 гг., из всего количества потреблявшихся в Персии тканей на долю английских приходилось 57%, а на долю русских — только 39%.⁵³ Правда, только по двум из важных статей персидского ввоза, по мануфактуре и чаю, первенство принадлежало Англии, по остальным статьям оно сохранилось за Россией.

Еще в большей степени, чем по ввозу, Россия превосходила Англию по вывозу товаров из Персии. Русский импорт занимал

⁴⁹ Журнал Комитета финансов, 20 апреля/3 мая 1905 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 459, л. 41.

⁵⁰ Гартвиг — Извольскому 23 февраля/8 марта 1907 г.: ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 24, д. 990, л. 67. В общей торговле с Персией на 1905—1906 гг. доля участия России составляла 57%, Англии — 13%, Британской Индии — 8.9%, Турции — 8.8%, Франции — 2.4%, Афганистана — 1.6%, Германии — 1%.

⁵¹ Обзор внешней торговли России за 1907 г., стр. 277.

⁵² Там же, стр. 27.

⁵³ Л. А. Собоцкий и др. Персия. Статистико-экономический очерк. СПб., 1913, стр. 200.

в русско-персидской торговле не менее значительное место, чем экспорт, а в стоимостном отношении с 1905 г. начал даже превосходить русскую экспортную торговлю.

Для Персии Россия являлась основным рынком сбыта персидского сырья и вместе с тем единственной крупной европейской державой, с которой Персия после 1905 г. в течение ряда лет имела активный торговый баланс. Последнее обстоятельство приобретало тем большее значение для Персии, что общий торговый баланс ее, как правило, был пассивным.

В свою очередь, некоторые статьи персидского вывоза имели большое значение для русской промышленности, в частности хлопок. Приблизительно к концу первого десятилетия XX в. текстильная промышленность России потребляла 22—24 млн пуд. хлопка в год, из которых половина закупалась за границей. По данным за 1903—1905 гг., Персия занимала пятое место среди экспортеров хлопка в Россию, вслед за США, Германией, Англией и Египтом.⁵⁴

Важной статьей персидского вывоза в Россию были сушеные фрукты, овощи, ягоды, по вывозу которых Персия занимала первое место на русском рынке. Здесь Персия значительно превзошла даже такого мирового экспортера фруктов, как Италия. Кроме того, Персия вывозила в Россию 99% урожая риса, рыбу, кожи, табак, жемчуг, ковры, шелковые и даже (правда в незначительном количестве) хлопчатобумажные ткани.⁵⁵

Льготная система, установленная для вывоза русских товаров в Персию, распространялась и на ввоз персидских товаров в Россию, что способствовало значительному расширению русско-персидской торговли, в особенности же увеличению ввоза персидского хлопка. «Сырой хлопок, — доносил в своем отчете Маклин, — наиболее прибыльный хорасанский продукт, и он особенно обильно экспортируется в Россию из Исфагани и даже Исзда и Кермана, зато экспорт через залив носит случайный характер и признаки его роста очень незначительны. При ввозе хлопка в Россию Персия платит 40 коп. с пуда, а другие государства — 4 руб. 15 коп. Он продается в Москве на 2 руб. (т. е. на 20%) дешевле американского хлопка».⁵⁶

Льготные условия распространялись и на целый ряд других товаров, ввозившихся из Персии. Введение льготных условий для

⁵⁴ Там же, стр. 211.

⁵⁵ К 1907 г. Россия ввозила из Персии: хлопка на сумму до 7 млн руб., рыбы — до 7 млн руб., фруктов — до 5—6 млн руб., риса — до 5.3 млн руб., кож — на 1.5 млн руб., ковров — на 1.5 млн руб. (ЦГИАЛ, ф. 23, оп. 26, д. 990, л. 68).

⁵⁶ Blue Book, стр. 7.

персидского ввоза в Россию способствовало распространению русского влияния па южные и центральные рынки Персии не в меньшей степени, чем поощрение русского вывоза, так как во многих случаях оказывалось выгоднее перевозить товары с юга и торговать па севере с Россией, чем с другими государствами через Персидский залив. Что же касается северной Персии, то она благодаря смежным границам, сравнительно удобным путям сообщения и выгоды торговли была более тесно связана экономически с Россией, чем с южной Персией. По этому поводу тот же Маклин сообщал в своем отчете следующее: «Сельскохозяйственное развитие северной Персии, вызванное такими благоприятными условиями, как связь с русскими и другими рынками и защита персидских товаров на русских рынках, способствовали росту благосостояния этих провинций и, следовательно, росту их покупательной способности».⁵⁷ Маклин, обследовавший не только северные, но и южные персидские рынки, пришел к выводу, что районы с преобладанием английского экономического влияния отличаются от северных провинций Персии отсталостью и низкой покупательной способностью. «Можно спросить, — писал Маклин, — почему районы южной Персии, находящиеся под нашим влиянием, не могли бы развиваться точно таким же образом, как районы северной провинции. Луристан, Бахтиарские земли, Арабистан обладают хорошо орошаемыми и плодоносными почвами».⁵⁸

Так русский империализм «втягивал» в торговый оборот районы северной, а затем и центральной Персии, обращая их лицом к России, и устремлялся к югу, где торговые позиции России были еще крайне слабыми, а английское экономическое господство безусловным. Однако в общем торговом обороте страны южные районы занимали как раз незначительное место ввиду их экономической отсталости, и, следовательно, влияние Англии на общеперсидском рынке в целом значительно уступало русскому.

Для Англии Персия была прежде всего рынком сбыта тканей, в особенности дешевых, яркоокрашенных манчестерских ситцев, которые составляли основную часть британского вывоза в Персию из метрополии. Прочие значительные предметы британского экспорта, такие как чай, индиго, рис, кофе и другие, вывозились из Британской Индии, занимавшей важное место в общеимперской торговле с Персией. По данным торгового департамента, в 1903 г. из стоимости общего торгового оборота Великобритании в 2 млн 700 тыс. фунтов стерл., около $\frac{2}{3}$ приходилось на долю

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же, стр. 4—7.

метрополии и не менее $\frac{1}{3}$ — на долю Индии.⁵⁹ Кроме того, Англия вывозила еще в Персию металлургические изделия (особенно медные), оружие, спички, сахар и целый ряд других товаров, не имевших большого значения для персидского рынка и составлявших в стоимостном выражении незначительную часть британского экспорта.

Английские товары распространялись большей частью на рынках южной Персии — в Сеистане и на побережье Персидского залива, через порты которого проходило не менее 30% всего английского экспорта. Последний же, как правило, в три-четыре раза превосходил персидский импорт в Англию. Персия поставляла в Англию жемчуг, опиум, фрукты, ковры и в незначительном количестве промышленное сырье.⁶⁰

Резко пассивный для России торговый баланс с Англией приводил к экономическому упадку южноперсидских рынков и падению покупательной способности населения. По сообщению персидского генерального консула в Петербурге Собоцинского, Англия с помощью торговли «выкачивала» из Персии значительные денежные средства. «Ежегодно, — писал Собоцинский, — Великобритания со своими колониями заставляет Персию выплачивать ей коммерческую контрибуцию в размере от 2.4 млн до 2.5 млн кран».⁶¹ Для английских капиталистов Персия была, таким образом, типичным колониальным рынком.

Как видно из вышесказанного, проводившаяся через Учетно-ссудный банк русская торговая политика в Персии создавала для русских товаров значительные преимущества. Правда, преимущества эти были временные, а окончательный результат этой политики находился в прямой зависимости от того, хватит ли царизму сил и средств, чтобы вытеснить английского конкурента не только из северных, но и из южных районов страны? В 1903 г.,

⁵⁹ British Documents on the Origins of the War 1898—1914, vol. IV, № 321, стр. 366.

⁶⁰ Интересно отметить, что вывоз персидских ковров кустарного производства приписал английским купцам огромные прибыли. По подсчетам Уигэма, персидский ковер средней величины, производство которого обошлось бы в Англии в 120 фунтов, на лондонском рынке продавался за 12 фунтов, включая 30% надбавки к цене. Никакая машина, — констатировал Уигэм, — не может работать дешевле персидской женщины (H. J. Whigham. The Persian Problem. (An examination of the rival positions of Russia and Great Britain in Persia with some account of the Persian Gulf and Bagdad Railway). London, 1903, стр. 300). Когда в 1904 г. персидское правительство издало постановление, ограничивавшее работу на фабриках женщин и детей, английский посланник в Тегеране обратился к русскому с предложением — сделать совместное представление об отмене этого «стеснительного для иностранных предпринимателей» постановления, но получил отказ (см.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 527, л. 169).

⁶¹ Л. С. Собоцинский. Персия, стр. 142.

однако, это был вопрос еще будущего. Пока же царизм продолжал щедро оплачивать расходы, связанные с политикой «капиталистического завоевания» Персии не только в сфере торговой, но и в сфере вывоза капитала.⁶²

Вывоз в Персию русского капитала во всех его формах, как и торговля, целиком находился под контролем Учетно-ссудного банка, т. е. Государственного казначейства.

Государственный капитал ввозился в Персию через Учетно-ссудный банк не только в виде займов, как это уже было показано выше, но и вкладывался в страховые, транспортные компании или в дорожное строительство. Последнему придавалось особенно большое значение в связи с той ролью, которую дороги призваны были сыграть в распространении русской экономической экспансии на персидском рынке. В частности, большое значение придавалось вопросу о железнодорожном строительстве в Персии. Еще в феврале 1900 г. Витте собирался командировать в Персию директора Петербургской конторы Государственного банка П. Л. Барка для переговоров с персидским правительством о выдаче Учетно-ссудному банку железнодорожной концессии. Эта поездка была задумана всерьез, и в Министерстве финансов был даже выработан проект контракта на строительство русской железной дороги в Персии по образцу контрактов на эксплуатацию КВЖД и южно-маньчжурской ее ветки, заключенных с китайским правительством 27 августа 1896 г. и 24 июня 1898 г. Новый проект отличался только тем, что в нем, помимо всего прочего, предусматривались еще (статья 8) — предоставление прав концессионеру на разработку залежей угля и нефти на расстоянии 50 м по обе стороны дороги, а также постройка веток от основной магистрали к разработкам месторождений и, наконец, пользование казенными лесами в полосе отчуждения.⁶³

Однако эта инициатива Витте в том же 1900 г. встретила решительные возражения со стороны министра иностранных дел М. Н. Муравьева. Последний высказался против поездки Барка, сославшись на то, что приобретение железнодорожной концессии даст повод англичанам требовать аналогичной концессии на юге Персии, «чего мы ни в коем случае не можем допустить», — решительно заявил Муравьев.⁶⁴

⁶² По официальным сведениям, затраты русского казначейства в Персии, исключая расходы, связанные с торговлей, составляли на 7 сентября 1906 г. 72 204 754 руб. (Красный архив, т. 56, 1933, стр. 61).

⁶³ Витте — Муравьеву 18 февраля/4 марта 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 177, лл. 17—18.

⁶⁴ Муравьев — Витте, февраль 1900 г.: там же, д. 117, лл. 19—20. В феврале 1900 г. Англия еще не возобновила, полученное ею в 1889 г. право требовать железнодорожную концессию в Персию в случае, если ее по-

Состоявшееся в марте 1900 г. Особое совещание при Министерстве финансов решило вопрос в пользу не железной, а грунтовой дороги Казвин—Тавриз—Тегеран, предложив Учетно-ссудному банку подписать с персидским правительством дополнительное секретное соглашение об обращении впоследствии этой дороги в железнодорожное полотно.⁶⁵ Проекты основного и дополнительного секретных соглашений Барк и повез в Париж (а не в Тегеран, как предполагалось первоначально) летом 1900 г., чтобы вступить в переговоры с персидским премьер-министром, сопровождавшим шаха в его поездке по Европе.

Итак, в 1900 г. железнодорожная затея Витте не удалась.

Несмотря на неудачу, Витте не отказался от своей идеи о железнодорожном строительстве в Персии. И через два года по этому вопросу между ним и министром иностранных дел возобновилась переписка. Поводом к тому послужил вопрос о необходимости потребовать от персидского правительства компенсацию за уступку англичанам концессии на эксплуатацию нефти в южной Персии. Как и в 1900 г., речь пошла не столько о том, чтобы немедленно приступить к строительству железной дороги в Персии, сколько о том, чтобы «заручиться» концессией впрок и тем самым «предупредить англичан и немцев в выборе и обеспечении себе выгодных направлений».⁶⁶

Витте был противником распространенной в правящих кругах России точки зрения о необходимости строительства русской железной дороги через Персию к Персидскому заливу. По его мнению, такая дорога могла бы стоить «громадных денег» и от-

лучит Россия. Однако два месяца спустя английская дипломатия добилаь этого. История вопроса такова. В 1898 г. после подписания русско-персидского соглашения о запрещении строительства железных дорог в Персии в ближайшие 10 лет лондонский кабинет заявил русскому правительству о своем намерении присоединиться к запретительному соглашению с тем условием, «чтобы шах обязался по истечении 10-летнего срока посоветоваться с императорским и английским правительствами относительно постройки железных дорог». После того как русское правительство отклонило предложение английского кабинета, англичане в апреле 1900 г. вынудили шаха повторить обязательство 1889 г.: во-первых, не предоставлять никаких железнодорожных концессий на юге Персии без согласия Англии и, во-вторых, обеспечить выдачу концессий британской компании на юге в случае, если такую концессию получит какое-нибудь государство в северной Персии (Секретная записка И. А. Зиновьева. Красный Архив, т. 69—70, М., 1935, стр. 13—14; см. также: British Documents on the Origins of the War 1898—1914, vol. IV, № 321 а).

⁶⁵ Журнал Совещания о выработке договора между персидским правительством и Учетно-ссудным банком Персии о грунтовой дороге через Тавриз в Тегеран, 10/23 и 13/26 марта 1900 г.: ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 117, л. 83. Требования уступки России концессии на эту дорогу вошли затем в условия займа 1902 г.

⁶⁶ Витте — Ламздорфу, 1902 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 159, л. 6 об.

крыла бы «доступ английским товарам с юга» в зону русского торгового влияния. Поэтому Витте отдавал предпочтение постройке ответвлений с одной стороны от Закавказской дороги через Тавриз, а с другой — от Закаспийской через Мешхед с тем, чтобы сомкнуть их позднее у Тегерана.⁶⁷ Этот план железнодорожного строительства преследовал далеко идущие цели не только соединения в будущем индийской железнодорожной сети с европейской при помощи дополнительных ветвей от Мешхеда до Сеистана или от Кушки через Герат, но усиления русского влияния в Сеистане, о чем Витте прямо писал Ламздорфу.⁶⁸

В 1903 г. проект Витте получил поддержку Министерства иностранных дел, и вопрос о концессии на строительство железной дороги в северной Персии был поставлен перед персидским правительством в связи с переговорами в Тегеране о новом займе, которые начались в январе—феврале 1903 г., после приезда туда председателя правления Учетно-ссудного банка Персии П. Л. Барка. В ответ на просьбу о займе в 7.5 млн руб. (который, будь он выдан, округлил бы сумму долга персидского правительства России до 40 млн руб.) Барк предъявил шаху сразу десять требований, большинство которых касалось как раз железнодорожного строительства. Согласно предъявленным условиям, шах должен был дать обязательство не выдавать иностранцам концессий на строительство дорог от Персидского залива или Индийского океана по направлению к Каспийскому морю, а также от Сеистана к Мешхеду и на постройку дорог, которые соединяли бы индийские пути с малоазиатскими; в то же время он должен был предоставить России концессии на железные дороги от Кушкинской ветви к Мешхеду с продолжением на Тегеран и от русской границы к Тавризу с продолжением на Казвин и Тегеран. Прочие требования предусматривали обязательства Персии не изменять условий уже существующей концессии английской дороги на Шустер, не выдавать без согласия России никаких горнопромышленных концессий в северной Персии, не заключать никаких контрактов о чеканке серебра без согласия на то Учетно-ссудного банка, не делать никаких позаймствований, даже краткосрочных, в английском банке, и, наконец, правительство шаха должно было заявить о том, что оно не имеет никаких претензий к русскому обществу Энзели-Тегеранской дороги.⁶⁹

Предъявленные условия показали персидскому правительству настолько тяжелыми, что оно несмотря на крайнюю нужду

⁶⁷ Витте — Ламздорфу 1902: там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Справка о финансовой поддержке персидского правительства со стороны Учетно-ссудного банка Персии: там же, д. 170, л. 12 об.

в деньгах, предпочло не делать долгосрочного займа в России. После категорического отказа Барка предоставить хотя бы 500 тыс. туманов авансом в счет будущего займа, персидское правительство возобновило ходатайство о краткосрочной ссуде в 1 млн туманов на шесть месяцев под гарантии платежей русской фирмы Лианозова по аренде рыбных промыслов на Каспийском море.⁷⁰

Поскольку переговоры о долгосрочном займе на 7.5 млн руб. были прерваны и больше не возобновлялись, железнодорожная программа Витте, как часть общей политики «капиталистического завоевания» Персии, так и осталась неосуществленной.

Русскому Министерству финансов пока приходилось довольствоваться тем, что оно захватило и держало в своих руках все основные колесные магистрали в Персии, в том числе и главную из них — Энзели—Тегеранскую шоссеиную дорогу.

Еще в 1893 г. Персидское страховое и транспортное общество Л. С. Полякова приобрело концессию на строительство дороги Энзели—Казвин. В связи с этим было образовано общество Энзели—Казвинской дороги, которое в 1895 г. получило право продолжить дорогу до Тегерана и Хамадана. Так возникло общество Энзели—Тегеранской дороги. Общество располагало акционерным капиталом, составленным из трех выпусков в 1.5 млн руб. Из 15 тыс. акций — 12 350 принадлежали торговому дому Л. С. Полякова в Москве.

В 1895, 1897 и 1898 гг. обществу были разрешены выпуски 4.5%-х облигаций общей стоимостью в 4.1 млн руб. Все они были полностью приобретены Государственным казначейством по цене 96 коп. за 100. В 1900 г. обществу был разрешен выпуск облигаций еще на 900 тыс. руб. Как видно, к 1902 г. казначейство уже приобрело значительную часть акций общества Энзели—Тегеранской дороги, что позволяло Министерству финансов до известной степени контролировать работу общества. Однако это, по-видимому, не удовлетворяло Витте, по предложению которого в 1902 г. Государственное казначейство приобрело еще на 5.2 млн руб. привилегированных акций общества, выпущенных

⁷⁰ Сделка не состоялась, так как шахское правительство сочло более удобным для себя произвести учет платежей Лианозова в английском имперском банке. Тем не менее до конца 1903 г. Учетно-судный банк предоставил персидскому правительству следующие ссуды: 1) произвел учет таможенных векселей на 200 тыс. туманов (22 мая/4 июня); 2) открыл кредит в 300 тыс. туманов из 9% на срок в 18 месяцев «на содержание войска» (27 июня/10 июля); 3) открыло кредит в 400 тыс. туманов из 9% под обеспечение таможенных доходов (25 октября/7 ноября). Все эти ссуды были выданы без предъявления политических условий (там же, лл. 13 об.—14 об.).

для консолидации долгов и для обмена прежних выпусков облигаций на 5 млн руб.⁷¹

Таким образом, к концу 1902 г. из общего количества акций общества на сумму в 6.7 млн руб. правительство имело акций на 5.2 млн руб. или 77% общего количества, став тем самым «фактическим хозяином дела».⁷² Весь контроль за деятельностью Энзели-Тегеранской дороги оказался сосредоточенным в руках министра финансов, который не замедлил распорядиться по-хозяйски прежде всего в правлении общества. На состоявшемся 2/15 октября 1902 г. общем собрании акционеров в связи с оказанным давлением на Л. С. Полякова старый состав правления вынужден был подать в отставку, было принято решение о перенесении правления из Москвы в Петербург, а новый состав был избран «по указанию министра финансов» из лиц, состоявших на государственной службе и в большинстве своем уже являвшихся членами правления общества Таврической дороги.⁷³ Что же касается последнего, то оно с самого момента своего возникновения в 1902 г. было фактически чисто государственным предприятием. В представленной Витте в 1903 г. Департаментом железнодорожных дел записке об обществе Таврической дороги прямо говорилось, что «общество это по существу своему такого же характера, как и общество Китайской Восточной железной дороги, то есть фиктивное, и хотя по уставу его предусматривается капитал в 9 млн руб., по в действительности акции в публичное обращение не пущены и целиком остались в портфеле Учетно-ссудного банка».⁷⁴ Излишняя прямолинейность изложения явно не понравилась Витте, который, зачеркнув слово «фиктивное» с укоризной пометил на полях: «Это так, но об этом нечего говорить».⁷⁵

Таким образом к концу 1902 г. дорожное строительство в Персии оказалось фактически в полном распоряжении Витте, который намного упростил для себя управление дорожными обществами, введя в их правления одних и тех же близких ему лиц.

Несколько большие усилия Витте пришлось затратить на то, чтобы прибрать к рукам Страховое и транспортное общество Полякова, а также и другие русские страховые и транспортные общества, функционировавшие в Персии.

Основав в 1890 г. Персидское страховое и транспортное общество, первоначально с акционерным капиталом в 2 млн фр.

⁷¹ Записка «Об источниках на покрытие расходов по сооружению Таврической дороги, по улучшению Энзели-Тегеранской дороги и на предприятия с нею связанные», 1903 г.: ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 3, д. 875, лл. 119—120

⁷² Там же, л. 120 об.

⁷³ Там же, л. 121.

⁷⁴ Там же, л. 115.

⁷⁵ Там же.

(175 тыс. руб.), Поляков, однако, не собирався сам эксплуатировать полученную концессию, а рассчитывал найти контрагента и пытался несколько раз вступить в соглашение с какой-нибудь русской страховой или транспортной компанией, но всякий раз неудачно, пока судьбой поляковской концессии не заинтересовалось Министерство финансов.

В 1901 г. по инициативе Министерства финансов транспортная компания «Надежда», получив из Государственного банка долгосрочную ссуду на льготных условиях, приобрела на 2.4 млн фр. акций дополнительного выпуска Персидского страхового и транспортного общества, которые дали ей право иметь $\frac{3}{4}$ голосов на общих собраниях общества. Вслед за этим первым шагом, в январе 1902 г. Витте распорядился приобрести все акции Персидского страхового и транспортного общества на средства Учетно-ссудного банка Персии, но так как Поляков отказался уступить свою часть акций (первый выпуск на 2 млн фр.) по приемлемой для Министерства финансов цене, Учетно-ссудный банк приобрел только те акции, которые были приобретены компанией «Надежда», получив тем самым $\frac{3}{4}$ голосов на общем собрании. Расходы, связанные с приобретением акций общества Полякова оказались не обременительными для Государственного казначейства. Уплатив держателям акций второго выпуска 180 120 руб., оно одновременно получило в свое ведение кассу общества, в которой значились поступления первого взноса в размере 180 000 руб., и, таким образом, «фактические издержки» на приобретение предприятия свелись к уплате компании «Надежда» сравнительно незначительной суммы в возмещение комиссионных расходов, которые были сделаны компанией в связи с покупкой акций Полякова в 1901 г.⁷⁶

Дальше последовала уже обычная процедура: $\frac{3}{4}$ голосов, полученных Министерством финансов, оказались достаточными для того, чтобы изменить состав правления точно таким же образом, как и в случае с Энзели-Тегеранской дорогой. Уже в марте 1902 г. в правление, в котором из прежнего состава остался только Л. С. Поляков, были введены П. Л. Барк, Э. К. Грубе и другие чиновники финансового ведомства. С. К. Подгурский, избранный председателем правления, уже занимал этот же пост в правлениях Тавризской и Энзели-Тегеранской дорог. Основным же держателем акций Персидского страхового и транспортного общества остался Учетно-ссудный банк Персии.⁷⁷ В 1903 г. Персидское страховое и транспортное общество заключило соглашения с обществами «Кавказ и Меркурий», «Российское транспортное

⁷⁶ Записка Подгурского 13/26 февраля 1904 г.: там же, д. 888, л. 218.

⁷⁷ См. «Приложение».

страховое общество», «Восточное общество товарных складов, страхования и транспортирования товаров с выдачей ссуд», предоставив им право заниматься страховыми и транспортными операциями в Персии и сохранив за собой право контроля за этими операциями.⁷⁸

Таким образом, к концу 1903 г. царское правительство овладело почти всеми видами русского частного предпринимательства в Персии, завершив тем самым кампанию, которую Витте начал еще в 1894 г. приобретением в собственность государства Учетно-ссудного банка. Сам же Учетно-ссудный банк Персии превратился к этому времени в предприятие, сосредоточившее в своих руках все нити управления русским государственным хозяйством в Персии.

Столь высокая степень участия русского государственного капитала в экономической экспансии типична, пожалуй, только в отношении Персии. Как известно, царизм выступал как «капиталистический империализм новейшего типа» не только в Персии, но и в Маньчжурии и в Монголии, причем во всех этих странах как цели, так и методы экономической экспансии царизма во многих отношениях были идентичны. Но если в Персию к 1903 г. через Учетно-ссудный банк вывозился капитал исключительно в государственной форме и только русский, в Маньчжурии царизм охотно прибегал и к помощи иностранного капитала, при этом «избегая связывать свою политику с капиталом исключительно одной какой-либо национальности».⁷⁹

Разница в этом отношении между политикой царизма в Персии и Маньчжурии бросается в глаза прежде всего при сопоставлении банков, служивших проводниками русской экономической экспансии в этих странах. В первом случае действовал Учетно-ссудный банк Персии, работавший исключительно на русских капиталах и даже без привлечения частных; во втором — Петербургский международный и Русско-Китайский банки: первый — с участием немецкого и французского, а второй — только французского капиталов.⁸⁰ Та же картина получается, если сопоставить русские займы Персии (1900 и 1902 гг.) и Китаю (1895 г.). Впрочем,

⁷⁸ Записка управляющего консульством в Гиляне, 1905 г.: ИГИАЛ, ф. 600, оп. 4, д. 377, л. 119.

⁷⁹ Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895—1907 гг. 2-е изд., М.—Л., 1955, стр. 197.

⁸⁰ Что касается Русско-Китайского банка, то согласно сведениям, сообщенным В. Н. Коковцовым в 1904 г. Совещанию для обсуждения вопросов по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России на Дальнем Востоке, 40% акций этого банка находились в портфеле Департамента государственного казначейства, 48% или 50% от остального числа акций — в руках иностранных держателей. Размер иностранных вкладов в Русско-Китайском банке достигал в 1902 г. 28 млн руб. (ИГИАЛ, ф. 1237, оп. XVI, д. 1, л. 112).

и в Персии царизм едва не пошел манчжурским путем — если бы не французские займы, самодержавие не могло бы оказать Персии финансовую помощь иначе как при участии Англии.⁸¹

После же 1900 г., когда в Европе были сделаны два успешных займа в 1901 и 1902 гг., царизм и не помышлял о привлечении каких бы то ни было иностранных капиталов в Персию, тщательно оберегая там свою монополию и не считаясь с расходами, упорно осуществлял политику «капиталистического завоевания» страны. Из этого, конечно, не следует, что именно деньги, полученные на иностранных биржах, шли непосредственно на расходы, связанные с экономической политикой в Персии. Для покрытия расходов, которые несло Государственное казначейство в Персии, в 1903 г. были выпущены на русском внутреннем рынке две серии государственной 4%-й ренты на нарицательную стоимость в 20 млн руб. Чистая выручка от этой операции составила 19 525 тыс. руб., из которых 16 373 тыс. были израсходованы на Учетно-ссудный банк и покупку акций Энзели-Тегеранской дороги. В официальном отчете Государственного контроля эта сумма была обозначена как израсходованная на «возмещение Государственному казначейству расходов на усиление средств предприятия, имеющего общегосударственное значение и на приобретение облигаций некоторых частных предприятий, имеющих общегосударственное значение».⁸²

Как видим, основная черта русской экономической политики в Персии, проводником которой явился Учетно-ссудный банк Персии, накануне русско-японской войны состояла в том, что решающая роль здесь принадлежала как в торговле, так и в вывозе капитала государству. Черта эта, характерная также, хотя и в меньшей степени, для Маньчжурии, являлась одной из особенностей колониальной политики царизма на Востоке и вытекала из экономической отсталости царской России и относительной слабости российского капитализма.⁸³

Отсталость эта проявлялась не только в неспособности русского купечества конкурировать со своим экономическим соперником на рынках центральной и южной Персии без значительных государственных дотаций, но и в сравнительно малой заинтересованности, которую оно проявляло в отношении этих рынков, трудно доступных, отличающихся низкой покупательной способностью, торговля на которых была связана с большим риском.

⁸¹ М. П. Муравьев — Власову 10/22 апреля 1899 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 164, л. 104.

⁸² П. П. Мигулин. Русский государственный кредит, т. III. Харьков, 1907, стр. 1111.

⁸³ О характере русской политики в Маньчжурии см.: Б. А. Романов. Очерки дипломатической истории русско-японской войны.

В связи с последним обстоятельством большой интерес представляют соображения, изложенные на этот счет в составленной в Департаменте железнодорожных дел и поступившей к Витте в 1903 г. записке о русской дорожной политике в Персии. В этом документе говорилось о необходимости развивать русские экономические интересы в Персии, принимая во внимание, что «на Востоке экономическое влияние идет рука об руку с политическим преобладанием», а не смотреть «хладнокровно», как Персия будет постепенно захватываться иностранцами. Вместе с тем в записке подчеркивалось, что, в отличие от обрабатывающей промышленности соперников, для которой приобретение «новых внешних рынков спроса представляется насущным жизненным вопросом», русская обрабатывающая промышленность «едва может удовлетворять даже внутреннему спросу», и потому не заинтересована в такой степени в освоении персидских рынков.⁸⁴

Витте сразу же возразил против сказанного, пометив на полях, что так было «до последних лет, но теперь многие отрасли требуют вывоза».⁸⁵ Убежденный монархист, Витте рассматривал экономическую политику самодержавия на Востоке, и в частности в Персии, как тесно связанную с общей задачей «экономического и финансового развития России», которую он считал возможным разрешить с помощью внешних займов и за счет притока иностранных капиталов.⁸⁶ А отсюда — политика захвата впрок новых рынков для развивающейся русской промышленности, политика, которая, кстати сказать, ни для кого не была секретом. Не случайно лондонский «Таймс», ревниво следивший за экономической экспансией России в Персии и на протяжении 1902—1903 гг. регулярно публиковавший статьи, посвященные этому вопросу, ставил в прямую зависимость политику русского самодержавия в Персии от внутренней политики Витте в области промышленности. Известный английский журналист и сотрудник газеты Валентин Чироль в одной из своих статей о Персии в октябре 1902 г. писал, что финансовая политика русского правительства в Персии, которая преследует цель «установления как экономического, так и политического превосходства России», — только часть общеполитической программы Витте. «Импульс, — пояснял далее свою мысль Чироль, — который Витте придал развитию русской промышленности, усилением системы покровительства делает для него совершенно необходимым поиски новых рынков для продуктов русской промышленности».⁸⁷

⁸⁴ ЦГИАЛ, ф. 268, оп. 3, д. 875, л. 114.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Записка Витте 3/16 марта 1907 г.: ЦГИАЛ, ф. 1044, оп. 1, д. 34, лл. 56—72.

⁸⁷ The Times, 1902, 27 октября, стр. 6.

У Витте, конечно, были основания возражать автору записки о железнодорожной политике в Персии, но, с другой стороны, именно он лучше, чем кто-нибудь другой, знал, сколько усилий самодержавие употребило на то, чтобы не только проложить дорогу русскому купечеству к далеким рынкам южной и центральной Персии, но и вовлечь его в постоянные активные торговые операции в этих районах. Трудно себе представить, чтобы появившиеся в 1902—1903 гг. в «Вестнике финансов» многочисленные статьи, призывавшие русское купечество к энергичным торговым операциям в Персии, печатались помимо Витте и без его ведома, а тон этих статей далеко не всегда был проникнут оптимизмом. «Правительству свойственно споспешествовать успехам торговли необходимыми для нее мероприятиями, в крайних случаях даже войной, — говорилось в одной из статей «Вестника финансов» за 1903 г. — Так поступала и Англия. Но ведь и мы пролили немало русской крови, частью для подчинения себе самой Персии, а частью для обуздания диких племен, препятствовавших нашим сношениям с нею. А все-таки торговать за своих подданных никакое правительство не может: торговать они должны сами».⁸⁸

Этот призыв, раздававшийся со страниц официального органа Министерства финансов, очень уж походил на сигнал бедствия, единственным кажущимся спасением от которого пока оставалось продолжение уже начатой политики экономической экспансии, за счет больших государственных субсидий, которая внешне давала неплохие результаты.

Но ведь у этой политики была сторона не только внешняя, но и внутренняя, российская и роковая связь этих двух явлений не могла не беспокоить умы даже тех, кто фактически являлся прямыми исполнителями этой политики. Это беспокойство и порождало такие порою мрачные, но довольно меткие замечания об общей финансовой политике Витте, вроде того, что это-де «активная политика за счет голодного мужицкого брюха»⁸⁹ или «министр финансов — лихой паездник, но конь не выкормлен и замучен — это простая крестьянская лошадка, правда очень выносливая, но как ее ни шпорить и ни гнать кнутом, быстроты кровной лошади она достигнуть не может».⁹⁰

Однако от этого беспокойства далеко было до трезвого понимания того, что Россия находится почти что накануне военного поражения, финансового краха и, главное, невиданного революционного потрясения.

⁸⁸ Вестник финансов, промышленности и торговли, № 48, т. IV, 1903, стр. 366.

⁸⁹ Коковцов — П. А. Сабурову 30 апреля/13 мая 1903 г.: ЦГИАЛ, ф. 1044, оп. 1, д. 14, л. 149.

⁹⁰ Сабуров — Милютину 17/30 марта 1903 г.: там же, д. 18, лл. 17—18.

*

*

*

Русско-японская война, начавшаяся с внезапного нападения японских миноносцев на русские суда в Порт-Артурской бухте, застала самодержавие на подороже и в Маньчжурии, и тем более в Персии. Экономическая программа царизма в Персии, к выполнению которой Витте приступил еще в 1895 г., была осуществлена только наполовину. К 1903 г. Государственное казначейство через Учетно-ссудный банк Персии сосредоточило в своих руках управление почти всеми крупными дорожными и торговыми предприятиями в Персии, покончив там с частными предприятиями, почти утратившими жизнеспособность. Но это, конечно, была только первая часть программы царизма и только средство конкурентной борьбы со своим политическим противником — мера временная, с помощью которой русское самодержавие рассчитывало проложить на восточные рынки дорогу «здоровой» частной инициативе. И чем успешнее была выполнена первая часть программы, тем острее возникал вопрос о выполнении второй ее части, ибо затраты, связанные с ведением в Персии хозяйства государственного типа, неизбежно тяжелым бременем ложились на казначейство. Однако реальных возможностей в скором времени заменить всю эту систему государственного или полугосударственного хозяйства жизнеспособными частными предприятиями налицо не было. Перспектива оставалась туманной и неясной, в то время как созданная в Персии сложная машина государственного хозяйства требовала все новых и новых дотаций.

Военные действия на Дальнем Востоке очень скоро вынудили русское самодержавие отказаться от политики, которую оно проводило в Персии накануне русско-японской войны. В условиях, когда каждый день войны неумолимо поглощал золотые запасы Государственного казначейства, царизм вынужден был сократить размеры экономической экспансии в Персии, ввести в более строгое русло контроля финансовые операции, связанные с расходованием денег в момент, когда само самодержавие так в них нуждалось.

К началу 1906 г., в результате военных поражений и под мощными ударами первой русской революции 1905—1907 гг., самодержавие оказалось накануне финансового банкротства и само вынуждено было искать спасения на европейских биржах. Когда же пламя революционного пожара, вспыхнувшего под влиянием русской революции в Азии, охватило и Персию, весь ход событий со всей неумолимостью поставил перед царизмом вопрос о необходимости коренного пересмотра основ экономической политики в этой стране.

Кризис русской экономической политики в Персии особенно остро дал себя знать весной 1906 г., когда обнаружилась несостоятельность Учетно-ссудного банка Персии, многие годы являвшегося основным орудием проведения этой политики. Операции, проводившиеся банком в 1903—1905 гг., поглотили не только все имевшиеся в его распоряжении собственные средства, но и занятые им в Русско-Китайском банке на время войны 4.5 млн руб., числившиеся на счетах в Учетно-ссудном банке как специальный вклад. Между тем, когда весной 1906 г. Русско-Китайский банк, сам оказавшийся в довольно трудном положении, вынужден был потребовать от Учетно-ссудного банка возвращения своего вклада, оказалось, что последний не в состоянии освободить из своих операций такую значительную сумму без ущерба для своей деятельности, и, даже более того, выяснилось, что Учетно-ссудный банк вообще не может удовлетворять обязательства по вкладам, не сокращая при этом на равную сумму свои операции в Персии. Однако поскольку сокращение активных операций банка неизбежно должно было отразиться на всем торгово-промышленном обороте России с Персией, т. е. ставило под угрозу экономическую политику царизма в этой стране, то естественно, что в Министерстве финансов спешно начали искать выход из создавшегося положения. Принимая во внимание «неотложность подкрепления Учетно-ссудного банка Персии надлежащими средствами», министр финансов И. П. Шипов высказался за целесообразность обсуждения этого вопроса в Особом совещании под председательством Витте и при участии министра иностранных дел.⁹¹ Такое совещание состоялось в Комитете финансов 30 мая/12 июня 1906 г., причем принятое участниками совещания решение свидетельствовало лишь о том, что банк действительно оказался в безвыходном положении. Совещание не нашло другого способа для спасения Учетно-ссудного банка, как превращение его в бапковское учреждение обычного типа, открытое для доступа частного капитала. До 1906 г., как мы это видели выше, Учетно-ссудный банк работал на государственных капиталах и только в пределах Персии, действуя «исключительно как персидское учреждение на основании персидского устава на капиталы, предоставленные ему русской казной».⁹² Персидский устав банка не давал ему формального права работать в России и не «предоставлял достаточных гарантий» для иностранного капитала,⁹³ на привлечение кото-

⁹¹ Всеподданнейшая записка И. П. Шипова об увеличении оборотных средств Учетно-ссудного банка Персии, не позднее 7/20 апреля 1906 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 68, лл. 148—149.

⁹² Записка В. И. Будиловича «О реорганизации Учетно-ссудного банка Персии», 1907 г.: там же, д. 71, лл. 4—8.

⁹³ Там же.

рого теперь, в связи с предстоящей реформой банка, и возлагались основные надежды. Совещание 30 мая/12 июня 1906 г. вынесло решение о выработке и утверждении после предварительного рассмотрения в Комитете финансов русского устава Учетно-ссудного банка. Что же касается попыток правления Учетно-ссудного банка получить поддержку в Государственном банке или Государственном казначействе для расчетов с Русско-Китайским банком, то они были решительно отклонены.⁹⁴ Таким образом, совещание 30 мая/12 июня 1906 г. ознаменовало собой вынужденный отказ от продолжения экономической политики за счет государственных капиталов, ибо, открыв доступ в Учетно-ссудный банк частным, в том числе и иностранным капиталам, самодержавие уже не могло рассчитывать на то, что банк останется тем же орудием государственной политики в Персии, каким он был до сих пор.

Таким образом, Россия исчерпала к лету 1906 г. решительно все свои финансовые возможности в Персии; упорно следуя как называемой политике «капиталистического завоевания» Персии, русское самодержавие довело ее до самого крайнего, самого абсурдного предела. Летом 1906 г. Персия продолжала переживать давно уже ставший хроническим финансовый кризис, а в Петербурге, хотели теперь уже этого или не хотели, не могли оказать шахскому правительству решительно никакой поддержки.

Финансовый и политический кризис в Персии принял настолько очевидный характер, что красочные описания полного упадка персидской монархии поступали в Петербург по самым различным каналам. Так, например, русский военный агент в Персии полковник Чернозубов доносил в Петербург в мае 1906 г.: «Условия, поддерживавшие последние пять-шесть лет искусственное равновесие государственного бюджета, поколебленного расточительностью шаха и казнокрадством его главных советников и приближенных, расхитивших остатки шахских сокровищ и многомиллионных русских займов, обогативших заграничные курорты и хозяев парижских и венских отелей и магазинов, частью исчезли, частью приостановили временно свое действие под давлением причин (революция? — Б. А.), хотя и переходящего характера, но появившихся весьма не ко двору

⁹⁴ Летом 1906 г. Государственный банк не мог оказать решительно никакой поддержки Учетно-ссудному банку Персии. На письме председателя правления Учетно-ссудного банка Персии Э. К. Грубе от 2/15 августа 1906 г., содержавшем просьбу оказать поддержку его банку, управляющий Государственным банком наложил следующую резолюцию: «Увеличение кредита из Государственного банка или постройка вклада казны отклонены безусловно и к этому вопросу нет надобности возвращаться. Забота об изыскании средств для усиления персидского банка лежит на обязанности правления» (там же, д. 68, л. 164 и 164 об.).

и нехата в стране, только что оплатившей из своих последних сбережений третье заграничное путешествие шаха». ⁹⁵

Как и прежде, в поисках денег персидское правительство обратилось не только к своему постоянному кредитору — России, но и в английский банк, однако встретило там холодный прием. Английское правительство соглашалось предоставить Персии краткосрочный заем только на условиях чисто политического характера, требуя, в частности, признания исключительных прав Англии на юге Персии в виде обязательства со стороны персидского правительства «не предоставлять никаких концессий на юге Персии никому, кроме англичан». ⁹⁶ Персидское правительство пыталось найти выход из создавшегося положения за счет «внутренних займов и внутренних экономических и политических комбинаций». ⁹⁷ Наконец, оно вступило в переговоры о займе на сумму в 500 тыс. туманов с компанией индоевропейского телеграфа на условиях продолжения концессии сроком еще на 20 лет, а также с представителем торгового дома Лианозова «об уплате вперед арендной платы в размере одного миллиона туманов». ⁹⁸ Но это все были полумеры, которые никак не могли спасти от кризиса персидское казначейство, которому по подсчетам Науса в августе 1906 г. нужно было около 50 млн фр. для того, чтобы выйти из затруднительного положения. ⁹⁹ Дело, помимо всего прочего, усугублялось еще и тем, что в сентябре 1906 г. наступал срок платежа 700 тыс. туманов в английский Шахин-шахский банк, который на этот раз «категорически» отказал в отсрочке. ¹⁰⁰

4/17 августа, а затем спустя несколько дней, 9/22, Н. Г. Гартвиг прислал Извольскому из Тегерана две телеграммы, одну тревожнее другой, с сообщением о том, что «казна пуста» и персидское правительство «находится в трагическом положении». Во второй телеграмме сообщалось, что в связи с создавшимся положением персидский премьер-министр «поставил себе целью закрепить политическое сближение с Россией, умоляет императорское правительство спасти Персию выдачей аванса, если нельзя в 4, то в 3 миллиона рублей». «Нет сомнения, — комментировал просьбу персидского премьера Гартвиг, — что отказ наш подвинет шахское правительство на отчаянный шаг, тем более, что по всем данным англо-индийское правительство делает Пер-

⁹⁵ ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 292, л. 33.

⁹⁶ Там же, лл. 33—34.

⁹⁷ Там же, л. 34.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Н. Г. Гартвиг — Извольскому 4/17 августа 1906 г.: там же, д. 346, лл. 2—3.

¹⁰⁰ Гартвиг — Извольскому 9/22 августа 1906 г.: там же, л. 8.

сии заманчивые предложения, конечная цель которых — навсегда утратить влияние России на персидские дела».¹⁰¹

Что скрывалось за заявлением персидского премьер-министра «закрепить политическое сближение с Россией» — обещание ли безоговорочно принять в случае выдачи аванса предложения, делавшиеся в недавнем прошлом русской стороной, или просто намерение после получения аванса продолжить прерванные в июле 1906 г. переговоры с Россией об общем соглашении не предвещая пока их исхода? Из телеграмм Гартвига понять это было нельзя, да и задавались ли теперь этим вопросом в Петербурге, если выяснилось, что Россия беспомощна оказать хоть какую-нибудь, пусть даже трехмиллионную помощь персидскому правительству. Получив телеграммы Гартвига, Извольский сразу же отправил их Коковцову (первую 7/20, а вторую — 11/24 августа), а к 14/27 августа уже имел ответ министра финансов: «... в настоящее время не может быть и речи об оказании персидскому правительству за счет русской казны денежной помощи как в виде крупного займа, так даже и сравнительно небольшой краткосрочной ссуды».¹⁰² Коковцов видел только один способ найти деньги хотя и для трехмиллионной ссуды, персидскому правительству (если это крайне необходимо из политических соображений) — обратиться прямо к Николаю II, чтобы он распорядился отпустить эту сумму «временно из капиталов удельного ведомства» или из каких-либо других средств, находящихся «в непосредственном распоряжении» царя по Министерству императорского двора и уделов.¹⁰³ Но поскольку краткосрочная ссуда могла только временно вывести Персию из финансового кризиса и сама по себе не снимала вопроса о долгосрочном займе, то здесь Коковцов не мог предложить Извольскому никаких, даже крайних, способов изыскать деньги в России, а следовательно, оставалось одно — выпустить персидский заем на зарубежных рынках. Роль России при организации такого займа, по мнению Коковцова, должна была состоять в том, чтобы заем был сделан ни в Англии, ни в Германии, и ни в какой-либо другой стране, которая «из этой сделки могла бы извлечь политические выгоды».¹⁰⁴ Наиболее под-

¹⁰¹ Телеграмма Гартвига — Извольскому от 4/17 и 9/22 августа 1906 г.: там же, лл. 2—3, 8.

¹⁰² Коковцов — Извольскому 14/27 августа 1906 г.: там же, л. 9.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, лл. 9—10. Вопрос об использовании царизмом «нейтральных» иностранных капиталов в Персии ставился в общем плане в записке Министерства иностранных дел в августе 1905 г. К апрелю 1906 г. вопрос этот принял уже достаточно конкретные формы и русское Министерство иностранных дел через дипломатические каналы в Париже вступило в переговоры с французскими капиталистами, рассчитывая привлечь в Персию для участия в русских учреждениях капиталы союзной державы. Вопрос

ходящей для этой цели «нейтральной» страной Коковцов считал Бельгию, где, кстати сказать, реально можно было рассчитывать на проведение операции, так как, по имевшимся у Коковцова (через директора Учетно-ссудного банка Персии А. С. Остроградского) сведениям, группа бельгийских капиталистов во главе с бельгийским королем «уже сделала Наусу серьезное предложение ссудить Персии до 50 млн франков».¹⁰⁵ Итак, план Коковцова был выполним только при условии предоставления Персии трехмиллионного аванса из средств Министерства двора. Однако на эту крайнюю меру самодержавие уже не решилось. Созванное 16/29 августа Особое совещание по вопросу о финансовой политике в Персии окончательно похоронило все проекты финансирования персидского правительства только за счет русского казначейства, а вместе с тем и окончательно была похоронена проводившаяся в течение стольких лет политика открытого соперничества в Персии с Англией. В августе 1906 г. самодержавие изменило внешнеполитический курс, взяв направление на англо-русское соглашение. Состоявшееся 16/29 августа 1906 г. Особое совещание, по существу утвердившее это изменение политического курса, отличалось полным единством мнений нового министра иностранных дел и министра финансов, выразившимся в единодушном признании, что дальнейшая «конкуренция на денежной почве с Англией... безусловно невозможна» и что «лучшим способом» направить политику России «в Персии в спокойное русло является именно соглашение с Англией».¹⁰⁶ Совещание не выработало никакой программы соглашения с Англией или даже программы переговоров, однако решено было принять предложения английского правительства, делавшиеся еще при Ламздорфе «о совместном обсуждении денежных нужд Персии» и, по имевшимся сведениям, продолжавшим входить в инструкцию британского посла в Петербурге.¹⁰⁷ Русская дипломатия гото-

этот продолжал обсуждаться и в 1907 г., уже после заключения соглашения с Англией, причем с самого начала переговоров между русской и французской сторонами возникли противоречия. Русское правительство вопреки намерениям французских финансовых кругов выступало против создания какого-либо самостоятельного французского кредитного учреждения в Персии, опасаясь, что оно будет конкурировать с Учетно-ссудным банком. Оно требовало, чтобы французские капиталы вливались в уже существующие русские предприятия в Персии и чтобы в финансировании шахского правительства «главная роль принадлежала наименее заинтересованным в политических вопросах в Персии французским капиталистам» (Извольский — Коковцову 6/19 июня 1907 г.: ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 4, д. 348, л. 31).

¹⁰⁵ Там же, лл. 9—10.

¹⁰⁶ Всенподданнейшая записка А. П. Извольского о решении совещания 16/29 августа 1906 г. (самый журнал совещания обнаружить не удалось): ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 28, д. 346, л. 14.

¹⁰⁷ Там же.

вилась сделать теперь серьезный шаг на пути сближения с Англией в обстановке, когда дипломатическая почва для такого сближения не была достаточно хорошо подготовлена с русской стороны, и Извольский не только, по-видимому, не имел своего плана соглашения с Англией относительно Персии, но и не мог до конца отдать себе отчета даже в том, насколько искренни были предложения британского правительства, отвергнутые в прошлом Ламздорфом, и как далеко собиралось оно идти в своих переговорах с Россией. Поэтому, сообщая Николаю II о решениях августовского совещания, Извольский мог привести в качестве свидетельства «искренности» намерений англичан только «самый факт обращения Англии на путь переговоров с Россией в такую минуту, когда она беспрепятственно могла производить разного рода захваты в Персии».¹⁰⁸

В создавшейся обстановке, которая означала не что иное, как полный отказ самодержавия от прежнего курса экономической политики в Персии, окончательно был решен вопрос и о судьбе Учетно-ссудного банка. 24 июня/6 июля 1906 г. Николай II утвердил решение Комитета финансов о выработке русского устава Учетно-ссудного банка Персии (принятое в заседании от 30 мая/12 июня 1906 г.), а 18 ноября/1 декабря 1906 г. министр финансов представил на заседание Комитета финансов уже готовый проект нового устава. В первоначальном виде проект был составлен по образцу устава Русско-Китайского банка, однако затем его редакция была изменена в том смысле, что «новым уставом определялась лишь деятельность банка в России, для Персии же сохраняли силу персидская концессия и персидский устав».¹⁰⁹ Финансирование же банка проект предусматривал за счет привлечения иностранных — французских и особенно бельгийских — капиталов. Интересно отметить, что в связи с утверждением нового устава Учетно-ссудного банка в Комитете финансов обнаружились довольно острые разногласия, в частности, против предложения министра финансов выступили государственный контролер П. Х. Шванебах и министр торговли и промышленности Д. Н. Философов. Шванебах вообще подверг критике всю систему экономической политики русского самодержавия в Персии. «„Капиталистическое завоевание“ не может... быть задачей исключительно правительства, осуществляемую казенными средствами, — заявил Шванебах. — Не исключены, конечно, в деле этом правительственные почин и некоторые для начала затраты и даже жертвы казенных ресурсов. Но если одновременно по пути, намеченному правительством, не последует частная иници-

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 71, лл. 4—7 об.

циатива и не будут затрачиваемы средства предпринимателей-пионеров, то неизбежно должна наступить дилемма, перед которой стоят теперь наши персидские дела: они или должны заглотнуть, или для их поддержания придется нести непосильные жертвы казны. Здесь-то и возбуждается вопрос о выходе из затруднений третьим способом — привлечением в дело персидского банка бельгийского капитала». ¹¹⁰ Выступая же конкретно против превращения Учетно-ссудного банка в предприятие, работающее на иностранных капиталах, Шванебах выражал сомнения, что банк останется при этом орудием политического и экономического влияния России, каким он являлся до сих пор. «Нет ни малейшего сомнения, что международные дельцы, — аргументировал свою точку зрения Шванебах, — упрочившись на персидской почве, поведут банковое дело так, как представители международного капитала ведут эти дела повсюду в экзотических странах, т. е. в смысле эксплуатации туземного населения и, конечно, вне всяких соображений с коммерческими и экономическими интересами России». ¹¹¹ Шванебах не скрывал как своего беспокойства за то, что эта финансовая комбинация может повредить положению России на международном денежном рынке, в услугах которого самодержавие так нуждалось, так и своего страха перед тем, что фактическая передача «чужестранным правительством» на международный денежный рынок концессии, предоставленной ему шахом, вызовет взрыв народного возмущения в Персии. ¹¹²

Исходя из этих соображений, Шванебах высказался за то, чтобы «впредь до более благоприятного времени» отказаться от преобразования Учетно-ссудного банка Персии и лишь максимально ограничить его операции. ¹¹³ Несмотря на то, что позиция Шванебаха встретила поддержку со стороны министра торговли и промышленности, который, кроме всего прочего, заявил, что до утверждения устава банка необходимо было бы образовать соответствующую финансовую группу, согласную финансировать банк, Комитет финансов признал, что привлечение частного, хотя бы иностранного, капитала, на основании нового русского устава банка является единственным средством для восстановления нормальной деятельности Учетно-ссудного банка Персии. ¹¹⁴ Комитет финансов вынес решение утвердить устав банка после внесения в него ряда уточнений, ¹¹⁵ однако во избежание «прежде-

¹¹⁰ Журнал Комитета финансов, 18 ноября/1 декабря 1906 г.: ЦГИАЛ, ф. 563, оп. 2, д. 463, лл. 8—17.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ Там же.

временного распространения слухов по поводу преобразования банка» не опубликовывать новый устав «до окончательного соглашения с лицами и учреждениями, которые пожелают принять участие в банке».¹¹⁶ 3/16 марта 1906 г. новый устав Учетно-ссудного банка Персии с внесенными в него уточнениями был окончательно принят Комитетом финансов, а 9/22 июня 1907 г., после одобрения его Советом министров, утвержден Николаем II. С утверждением нового русского устава Учетно-ссудный банк Персии резко изменил характер своей деятельности, приблизившись по своему типу к обычным коммерческим банкам. Эти изменения в характере деятельности Учетно-ссудного банка соответствовали новому этапу в англо-русском соперничестве на Среднем Востоке, который наступил после подписания в августе 1907 г. англо-русского соглашения о разделе Персии, Афганистана и Тибета на сферы влияния.

П Р И Л О Ж Е Н И Е

Список акционеров Персидского страхового и транспортного общества *
(К общему собранию 25 сентября 1903 г.)

	Количество акций	Число голосов
А. Владельцы акций первого выпуска	Акций не представлено	
Б. Владельцы акций второго выпуска:		
1. Барк Петр Львович	400	40
2. Брандес Альберт Августович	160	16
3. Вестфаль Анатолий Федорович	160	16
4. Виндельбанд Василий Васильевич	160	16
5. Грубе Эрнест Карлович	400	40
6. Кошниц Алексей Владимирович	160	16
7. Наумов Михаил Архипович	160	16
8. Подгурский Станислав Карлович	400	40
9. Сипетров Михаил Иванович	400	40
10. Учетно-ссудный банк Персии	2400	240
	4800	480
Итого	4800 акций с правом на 480 голосов	

¹¹⁶ Уточнения предусматривали: 1) более точное согласование проекта русского устава с условиями концессии и действовавшим персидским уставом; 2) предоставление министру финансов права утверждения членов правления банка, что дало бы возможность ограничить влияние иностранного капитала на деятельность банка; 3) сокращение программы банка и возможное приближение его по типу к обычным коммерческим банкам (там же).

* ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 4, д. 377, л. 54.